

вперед — два назад». Так море отступает. Получив новый статус (и ставки), перспективу зарубежных гастролей, театр теряет своего главного режиссера Александра Тителя, столько сделавшего для утверждения его художественного реноме!

Горькая рокировка театральной судьбы. Уходит мастер, строители. Уходит из пока благополучного театра строить новый — разрушенный сегодня Московский музыкальный театр имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. Великие старики, недоуменно взиравшие ряд лет на кривую жизни своего странного детища, могут теперь по крайней мере в надежде перевести дух: к ним приходит последователь. Да к тому же еще и ученик Льва Михайлова, с именем которого в театре связано столько воспоминаний. Ну что ж, и нам остается надеяться на лучшее, вспоминая кое-что на прощание.

А Титель приехал в бывший Свердловск после бывшего ГИТИСа в 1980 году. И сделал вначале три мечтательных и веселых, легкого дыхания спектакля: «Снежную королеву» Беневица, «Севильского цирюльника» Россини и «Чудаков» Тафтакишвили. Юность режиссера и его «команды» была стремительна. Две обворожительные сестры — лирика и комедия — все делали порывисто и заразительно: страдали, интриговали, смеялись, влюблялись и влюбляли, в общем, все чудили и потихоньку сходили с ума. Волновал «атмосферный» дар

Спектакли последних лет получились разные. Был здесь и интересный поиск — в «Антигоне» (В. Лобанова — А. Парина) и «Паяцах», была и не совсем похожая на А. Тителя «Сельская честь». Недавняя премьера «Обручения в монастыре» Прокофьева завершила режиссерский цикл в старом театре с новым названием. Мудрый, хотя и молодой человек снова с азартом и нежностью окунулся в лирико-комическую стихию юности — своих первых спектаклей. Но можно ли в жизни вступить в одну и ту же реку дважды? Круг замкнулся. И вот режиссер уходит...

Когда-то А. Титель приехал в Свердловск, уезжает он из другого города. Наступила другая жизнь. Что-то там будет... Грусть на сердце?

Брось, Александр Борисович, чего там? Все равно. Прости за все хорошее, что мы не смогли сделать для тебя. И спасибо за свидания под эфемерной, но прекрасной оперной луной.

Михаил МУГИНШТЕЙН.

Режиссер уходит

Тителя. Пространство спектаклей оказывалось не только целостным (то есть хорошо организованным), но прежде всего одухотворенным, переливающимся — живым. Это был именно живой театр. В «Чудаках» главным героем становилась неповторимая атмосфера старого Тифлиса — города романтической театральности, комичной патетики и только ему присущей доброты. Мечта с сумасшедшинкой. Говорящая афишная тумба на горе Мтацминда и юные влюбленные, унесенные в небо, словно птицы с картин Пироммани. Какие же мы все были тогда чудаки...

Затем пришло время свершений. Состояние акме не прекращалось четыре года. Вместе с великолепными мастерами — дирижером Е. Бражниковым, художниками Э. Гейдебрехтом, Ю. Устиновым (обоих театр давно уже лишился), В. Левенталем и целой группой талантливых певцов-актеров, воспитанных в единой эстетике, с 1983 по 1987 годы были поставлены: «Борис Годунов», «Пророк» В. Кобекина, «Сказка о царе Салтане», «Сказки Гофмана», «Катерина Измайлова». О творческом союзе единомышленников заговорил весь бывший Союз. Казалось, ничто не могло этому помешать. Конечно, были и каждодневные оскорбительные трудности, преподносимые так называемому провинциальному театру, были и шумные кампании (чего только стоит недостойная возня вокруг «Салтана»). Но впереди всегда стояло настоящее Дело. Мощный творческий организм легко справлялся тогда с любыми инфекциями.

В каких счастливых муках рождались те спектакли! С дистанции это кажется почти нескончаемым праздником. Особенно я любил вечерние прогоны перед премьерой, их художественный озноб, когда в нервной суете внезапно проступали контуры целого и начинала пульсировать тонкая кровеносная система человеческих отношений. Гуманитарность А. Тителя была неотразима. Человек становился у режиссера действительно «мерой всех вещей», движущей силой его глубоких концепций. Это могут засвидетельствовать все его герои: от преступных царя Бориса и Катерины Измайловой до безвинно умирающей Антонины («Сказки Гофмана»). Режиссер умирал в актере, а сраженный критик — в режиссере. Какой роман! Да! Баснословные были времена. Судьба режиссерская, судьба критическая: «Как мучишь ты жестоко...»

ПОРА НАМ В ОПЕРУ

ЭТОГО сезона Свердловский академический театр оперы и балета имени А. В. Луначарского — уже бывший.

Его новое имя: Государственный театр оперы и балета России (г. Екатеринбург). Теперь он поднят в ранге. Официальное признание к одному из ведущих коллективов наконец-то пришло (о его необходимости я писал еще несколько лет назад). Конечно, лучше поздно, чем никогда. И все-таки, почему же ни люди, ни театры так обидно не ценятся вовремя?

Мудрая истина жизни, покоящаяся на гармонии приливов и отливов, изуродована у нас явным преобладанием последних. Фатальная схема: «Шаг